[22] Там же. С. 171.
[23] *Кант И.* Критика чистого разума // Там же. М., 1960. Т. 3. С. 401.
[24] *Кант И.* Наблюдение над чувством прекрасного и возвышенного. С. 182.
[25] *Кант И.* К вечному миру. С. 276.
[26] *Кант И.* Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного. С. 198.
[27] *Lenz J.* Die Soldaten // Werke: In 1 Bd. S. 236.
[28] Ibid. S. 186.
[29] Ibid.
[30] Ibid.
[31] Ibid. S. 192.
[32] *Коцебу А.* Театр Августа Коцебу. М., 1824. Ч. 8. С. 158.
[33] *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 368.
[34] *Гегель Г.В.Ф.* Иенская реальная философия // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 374.

ГЕГЕЛЬ, НЕМЕЦКИЙ ИДЕАЛИЗМ И АНТИФУНДАМЕНТАЛИЗМ

Т Рокмор

Этот доклад посвящен основаниям знания в немецком идеализме: особое внимание уделяется несколько размытому интересу Гегеля к антифундаментализму. Мы начнем с комментария по поводу значения периода в истории философии, известного как "немецкий идеализм" Существует, к несчастью, тенденция рассматривать этот период как начинающийся с Фихте и заканчивающийся Гегелем. С моей точки зрения эта тенденция должна встретить сопротивление, поскольку она исключает из рассмотрения двух наиболее интересных мыслителей того, да и любого другого периода Канта и Маркса. В свете названных задач я понимаю немецкий идеализм как более широкий период, включающий и Канта, и Маркса. Я серьезно отношусь к утверждению Канта, что критическая философия является эмпирически реальной и трансцендентально идеальной, и, следовательно, выступает в качестве формы идеализма. И я не буду рассматривать усилия марксистов по опровержению идеализма как с помощью вбивания клина между Марксом и философией, так и посредством определения его взглядов как материализма, причем этот термин понимается как "не-идеалистическая философия"[1]. Я рассматриваю Маркса как мыслителя, принадлежащего к течению мысли, берущему свое начало в философии Канта и продолжающейся в трудах Фихте, Шеллинга и Гегеля, каждый из которых, возможно, за исключением Шеллинга, оказал непосредственное влияние на его мышление. Данный доклад вполне естественно распадается на две части: на общее описание некоторых форм фундаментализма в немецком идеализме, и более конкретную оценку позиции Гегеля как попытки увязать эту эпистемологическую стратегию с его собственной оценкой знания.

© T. Rockmore, 1995
© Т.А. Алексеева, перевод, 1995

I

Начиная с Канта вся немецкая идеалистическая традиция концентрировала свой интерес на проблемах знания. Неудивительно поэтому, что интерес к фундаментализму и антифундаментализму проходит через все мышление этого периода. Но нельзя сказать, несмотря на наличие противоположных утверждений, что эпистемология вообще исчезает в этот период вслед за критической философией[2]. Ближе к истине противоположное. Сохраняющееся значение эпистемологического импульса в дискуссиях в посткантианской Германии связано прежде всего с последовательным влиянием критической философии. Даже хорошо известный акцент в теории Маркса на отношении теории и практики направлен, как минимум, в той же степени против критической философии, как и против того, что другие, но отнюдь не Гегель, называли абсолютным идеализмом.

Здесь в мою задачу входит обзор идеалистической эпистемологии, которая редко исследовалась в целом, вследствие ошибочного взгляда, что она закончилась вместе с Кантом[3]. Соответственно, нужно привлечь внимание к формам фундаментализма и антифундаментализма в позициях основных немецких идеалистов. Начнем с Канта. По Канту, философия познания вытекает из концепций[4] и его взгляды на философию как включающую априорную систему, очевидно, связаны с картезианским фундаментализмом, или с теорией познания, основывающейся на исходном принципе или принципах, известных как истинные, из которых остальная теория прямо может быть выведена. Так, в кантовской концепции системы как "единства множества типов знания, объединенных одной идеей"[5] содержится неясность относительно статуса этой идеи, если использовать его собственную терминологию, т.е. неясно, является ли она регулирующей или конституирующей идеей, т.е. идеей, к которой все устремлены, или фактически введенным принципом, служащим в качестве основания теории в картезианском смысле. Позиция Канта неясна в этом пункте возможно потому, что он не полностью осознавал необходимость сделать выбор между фундаменталистским и антифундаменталистским подходом к знанию.

Позиция Канта является одновременно и антифундаменталистской и фундаменталистской. Ее антифундаменталистский характер он видит в том, что философия – это просто идея возможной науки, которая нигде не существует[6]. Далее он утверждает, что философская система фактически возникает с помощью "generatio aequivoca"[7], иными словами, через простое приращение. Она является фундаменталистской в других, возможно, даже более важных смыслах: в системе как априорной реализации идеи, образующей философию[8], возможно, в обращении к трансцендентальному единству приращения (апперцепции) как высшему принципу понимания, всей логики и трансцендентальной философии[9] и, прежде всего, в утверждении, что революция Коперника, представленная просто как гипотеза, будет аподиктически доказана в книге[10]. То, что он изначально рассматривал как простую гипотезу, скорее означает кантовский подход как основание в полном картезианском смысле, поскольку, как он особо подчеркивает, изменение, даже в самой малой части критической

философии, основывающейся на коперниковском перевороте заставит пошатнуться все человеческие представления[11].

В философской традиции, и, прежде всего, в современной философии, наблюдается общий сдвиг от фундаментализма к антифундаментализму. Фихте – любопытная фигура в этом отношении, поскольку его подход претерпел эволюцию от раннего антифундаментализма до поздних фундаменталистских взглядов. В своих ранних работах он ясно поддерживал круговую и, следовательно, антифундаменталистскую форму знания. Эта поддержка просматривается на нескольких уровнях. Один из них – это его отрицание традиционного взгляда, имеющего много последователей, в том числе и Канта, в традиции, берущей свое начало от Аристотеля, что кругообразность подрывает теорию. Утверждая, что теория обязательно и неизбежно представляет собой круг, Фихте реабилитирует форму аргументации, которую часто отрицали со времен ранней греческой мысли. Другой случай – это его настойчивое утверждение, что логика изначально должна предполагаться и позднее – "проверяться" Применение его концепции кругообразности к логике означает, что даже логика не может рассматриваться как истина, как основа для теории. Еще один пример – это замечание в начале "Наукоучения" (Gründalage gesamten Wissenschaftslehre, 1794 г.), исходная, главная формулировка его основного трактата, где Фихте настаивал, что задача философии – в определении исходного принципа, который, будучи первым в цепи рассуждений, не может быть доказан в теории[12]. В результате, как он указывает в метафилософском тексте того же периода, появляется взгляд на философию как просто гипотетическую[13], одним словом, безосновательную. Но Фихте скоро изменил свои взгляды. В более поздней версии своей теории, возможно, отчасти вызванной известным атеистическим движением "Atheismusstreit", он ввел концепцию интеллектуальной интуиции[14], которой не было в исходной, и с моей точки зрения, наиболее впечатляющей ее (теории Фихте) форме. Эта концепция замысливалась ради узаконивания утверждений о знании в квазикартезианском смысле, когда известен исходный принцип истины, что делает пересмотренную позицию Фихте формой фундаментализма.

Позиция Шеллинга включает и интуитивистские, и фундаменталистские аспекты. Фундаментализм очевиден, например, в его раннем, во многом неверно интерпретированном обсуждении трансцендентального идеализма, который, в свою очередь, существенно исказил прочтение теорий Фихте и Гегеля. В важном отрывке, написанном под очевидным влиянием кантовского подхода к категориальной структуре, Шеллинг предложил дедукцию в предыстории, ведущей к доказательству конечного основания гармонии между субъективностью и объективностью деятельности в точке абсолютной тождественности. По Шеллингу, его концепция абсолюта и не должна быть понята ни как субстанциональная, или личная, ни как чистая абстракция[15]. С этой точки зрения, известная критика Гегелем шеллинговской концепции как безликого абсолюта, или, говоря его словами, "ночью все кошки серы", попадает мимо цели[16]. Мы видим, что эта идея действительно является фундаменталистской, поскольку намерением Шеллинга заключалось в том, чтобы вывести

объективные и субъективные черты реальности, как они проявляются в опыте, из его так называемой нейтральной точки (Indiffirenzpunkt).

Позиция Маркса является антифундаменталистской. Его антифундаментализм заметен в размышлениях о методологии[17]. Здесь он настаивает на категориальном подходе к интерпретации опыта и развивает интересный взгляд на категорию. Вслед за Кантом, немецкий идеализм начал глубоко интересоваться поисками приемлемого способа выведений категорий, одним словом, выходом за пределы того, что Кант в известной ссылке на Аристотеля назвал просто рапсодией[18]. Наоборот, настаивает Маркс, и как мне кажется, правильно, категории, применяемые к опыту, из него и появляются, и должны быть изменены по мере изменения экспериментального объекта, к которому они относятся. Из этого следует, что не может быть конечного основания для знания в фундаменталистском смысле.

II

Краткий обзор роли фундаментализма и антифундаментализма в мышлении главных фигур немецкого идеализма является в нескольких отношениях неполным. Хотя мы уже указали на последовательный интерес к основаниям знания от Канта до Маркса, мы приложили лишь минимальные усилия по раскрытию рассуждений, которые привели разных идеалистических мыслителей к поддержке или отрицанию фундаменталистского подхода к знанию. Однако, как минимум, столь же интересно внимательно рассмотреть рассуждения, поддерживающие принятие фундаменталистских и антифундаменталистских эпистемологических стратегий, как и просто констатировать согласие с ними. Далее в докладе я перехожу к несколько более детальному рассмотрению эпистемологических рассуждений Гегеля[19]. Также, как и у Канта, позиция Гегеля – одновременно и антифундаменталистская. Она является фундаменталистской с точки зрения усилий, приложенных Кантом и продолженных Фихте и Гегелем, направленных на создание априорной дедукции категорий. В этом смысле с гегелевской позиции выдвигается подход, пришедший в немецкую философскую традицию из критической философии. Но, подхватив намек Фихте, Гегель предлагает антифундаменталистский анализ знания, основывающийся на интересном варианте реабилитации кругообразной формы аргументации, против которой выступал Аристотель. В этом смысле он разрывает или, как минимум, вводит нечто новое по сравнению с предшествующей мыслью.

Моя оценка гегелевского вклада в основание знания будет отличаться от обычного обсуждения этого вопроса в литературе по целому ряду направлений. Во-первых, что очевидно, мой интерес к этому носит ревизионистский характер, т.е. сводится к пересмотру того, что часто говорилось о Гегеле. Часто утверждалось, что у Гегеля нет теории познания, или что в каком-то необъясненном смысле он вышел за пределы эпистемологии. Наоборот, Гегель не только интересовался этим вопросом, но часто вносил неоспоримый, в полном смысле фундаментальный вклад в его разработку. Поэтому я хочу привлечь внимание к тому

аспекту гегелевского мышления, который, как мне представляется, был несправедливо отвергнут. Во-вторых, меня не интересует анализ какой-то одной книги, посвященной интерпретации одного текста в изоляции от других. Мой интерес обращен к конкретной проблеме, т.е. к проблеме познания и гегелевского вклада в нее, не к одной книге, а по всему его мышлению. В-третьих, существует очевидная тенденция подходить к Гегелю, который был глубоко знаком с историей философской традиции, с внеисторических позиций при рассмотрении содержания его трудов и различных рукописей. Хотя этот подход может быть полезным, у него есть свои ограничения. Аристотель был первым мыслителем в этой традиции, который стремился принять во внимание всю предшествующую мысль при формулировании своей собственной. В большей степени, чем любой другой мыслитель после Аристотеля, Гегель пытался сформировать свою собственную позицию как результат детального рассмотрения более ранней философской традиции. Я сконцентрирую свое внимание на реконструкции проблемы познания, как ее понимал Гегель. Таким образом, мне кажется, станет возможным найти основной ключ к природе гегелевских взглядов на эпистемологию.

В-четвертых, связность трудов Гегеля является вопросом, находящимся в центре научных дискуссий. Довольно сильный акцент был сделан на возможной непоследовательности этих работ. Связь между ними, в особенности между "Феноменологией духа", "Энциклопедией философских наук" и "Наукой логики", понята недостаточно хорошо. Но позиция каждого мыслителя складывается на фоне преемственности. Это как раз и есть случай Гегеля, чья мысль развивалась и углублялась, но, если только я прав, не претерпела фундаментального изменения после того, как была изначально сформулирована в тексте его "Различия между философскими системами Фихте и Шеллинга", работе, чаще называемой просто "Differenzschrift" ("Различиях"). Соответственно я подчеркиваю преемственность в понимании знания как круга в ранней работе "Различие..." и в зрелой – "Энциклопедии"

Для того чтобы понять гегелевскую форму антифундаментализма, полезно будет начать с комментария относительно имеющихся в нашем распоряжении стратегий познания. Если мы посмотрим на историю философии, то увидим различные эпистемологические стратегии, т.е. процедуры, которые, будучи правильно примененными, как предполагалось, должны в результате продуцировать знание. Ради текущих целей необходимо различать три широких стратегии, которые мы можем связать с греческой мыслью и современной философией. Первая из них – это утверждение знания, которое в некотором смысле основывается на непосредственной интуиции самого бытия. Этот подход нашел свое продолжение в современной философской традиции в различных формах интуитивизма, например в гуссерлевской и некоторых типах постгуссерлевской феноменологии. Но его становится трудно защищать, ибо греческая онтология больше уже не считается обоснованной.

Другая стратегия, использованная Декартом, утверждает в качестве исходного пункта, или основания "cogito", которое может быть известно с высокой степенью определенности, из которого предположительно

строго может быть выведена остальная теория. Аргументации в защиту этой стратегии двоякого рода. С одной стороны, будучи правильно примененным, этот подход может дать знание, в которое невозможно внести коррективы, знание в полном или традиционном смысле, т.е. аподиктическое знание. С другой стороны, на волне отрицания интуитивизма, этот подход может быть рассмотрен как единственный возможный путь к знанию. Если ж он оказывается неадекватным, то, как часто высказывалось предположение, никакая другая дорога к знанию в полном смысле недопустима и знание как таковое становится невозможным. Взгляд, что это единственно возможный путь к знанию, объясняет почти экзистенциальное отчаяние, прозвучавшее в ряде случаев по поводу его очевидной неадекватности[20].

Собственная аргументация Гегеля может быть понята как третья форма эпистемологической стратегии, замысленная в качестве жизнеспособной альтернативы двум другим подходам. Она не воспроизводит ни греческую интуицию в отношении реальности – фактически Гегель отрицает все утверждения о прямой, интуитивной форме знания на том основании, что знание опосредуется не немедленно, но обязательно, – ни фундаменталистский подход Декарта. Гегель развил свою кругообразную теорию знания в качестве альтернативной эпистемологической стратегии, поскольку, как он полагал, фундаменталистский подход не может привести к успеху. В терминологии, которая только в последнее время вошла в моду, мы можем описать гегелевскую теорию познания как "антифундаменталистскую", поскольку она не полагается на известную истину в качестве начального пункта. Насколько бы странным это не казалось, гениальность гегелевской аргументации заключается в попытке получения знания, когда фактически нет начальной точки в обычном смысле, и если нет некоего предположительного места для начала исследования, иными словами, нет надлежащего пути – начать просто значит начать.

Гегелевский антифундаментализм не является продуктом изолированного систематического рассмотрения. Это скорее результат его взглядов на дискуссии по проблемам познания в истории философии. Это не означает, что я не отдаю должное важности отношения между гегелевской позицией и древнегреческой мыслью. Но то, что касается общей структуры более широкой позиции Гегеля, и в особенности его собственной теории познания, основной фон, по отношению к которому его взгляды должны быть поняты, составляет отнюдь не древняя философия, к которой он обращает свой взор лишь позднее. Если говорить более точно, гегелевский кругообразный подход к познанию является результатом продолжающихся эпистемологических дискуссий, начавшихся после выхода "Критики чистого разума" Для того чтобы понять реакцию Гегеля на эти споры, полезно будет обратиться к ретроспективной реконструкции некоторых ее наиболее важных положений.

Сегодня нам трудно представить впечатление от публикации книги Канта[21]. Сказать, что это оказало глубокое влияние, значит просто недооценить впечатление, которое она произвела. Хотя у Канта были свои философские противники, такие мыслители, как Гаманн, Гердер и Якоби,

отвергавшие критический подход как таковой, многочисленные мыслители самых разных направлений объединились благодаря вере в то, что выводы Канта фундаментально правильны. Но почти столь же многие сочли, что хотя результаты убедительны, но Кант настаивает на системе систематического формулирования, необходимого для завершения критической философии, которой нет в "Критике чистого разума" В важном отрывке из текста, ближе к концу книги, уже приведенном нами выше. Кант настаивал, что философия должна формировать научную систему, которая предполагает единство различных форм знания, объединенных одной ведущей идеей. Если система представляет собой научную философию, то правильно спросить, отвечает ли критическая философия критерию, который она официально признает. Для наших целей, важно заметить, что современники Канта в основном утверждают, что идея системы действует в критической философии как регулирующая, но она не конструирует теорию. Действительно, широко было распространено мнение, что взгляды Канта представляют не более, чем его собственное мнение, поскольку они обладают систематизированной формой. Для того чтобы придать этим взглядам полноценный философский вес, они должны были быть переформулированы в форме научной системы. Иными словами, с позиций собственных кантовских критериев те, кто был заинтересован в критической философии, осознают, что для того, чтобы иметь подлинно критическую философию, кантовские результаты необходимо переформулировать в систематизированной форме.

Эта осознанная потребность дает важный ключ к пониманию дальнейшего развития немецкого идеализма. Посткантианский период в немецкой философской традиции может быть рассмотрен с разных позиций, но центральная тенденция, которая обнаруживается на протяжении всей дискуссии, по крайней мере, до Гегеля, – это последовательные усилия, направленные на создание систематически переформулированной критической философии, т.е. переформулирования в форме научной системы. Теперь очевидно, что возможны различные модели систематизации. Неудивительно, что коль скоро система – это важная концепция рационалистического движения в современной традиции, усилия кантовской волны дать систематизированное формулирование результатов критической философии, свернуло к предлагаемому устройству квазирационалистической формы системы, т.е. взаимосвязанной, лишенной предположений концептуальной матрицы.

В спорах такого рода случается, что их природа изменяется с течением времени. Сложная природа споров, касающихся перестройки критической философии как системы может быть описана как начало попыток придти к фундаментализму, который в ходе дискуссии трансформируется в аргумент антифундаментализма. Точнее, исходный аргумент в защиту фундаменталистской системы изменяется в ходе дискуссии, в результате фундаментальной критики, направленной против концепции фундаменталистской формы системы, и приобретает альтернативную, антифундаменталистскую форму. Ключевым элементом этой дискуссии, отмечающим поворот от интереса к фундаменталистской системе к интересу к антифундаменталистской системе, является основополагающее измене-

ние в понимании эпистемологической кругообразности. Именно благодаря этому пересмотру понимания эпистемологической кругообразности, несмотря на критику системы фундаменталистского типа, был найден путь к аргументации в пользу антифундаменталистского подхода к знанию.

В современном контексте будет достаточно упомянуть только четырех мыслителей, сыгравших важную роль в дискуссии вокруг систематического знания, последовавшей за появлением критической философии. Каждый из этих авторов сыграл существенную роль в переходе от Канта к Гегелю. Рейнгольд, мало известный философ, автор так называемой элементарной философии, сегодня почти забыт. Его значение заключается в том, что он был первым автором, заинтересовавшимся систематическим переформулированием кантовских результатов. Как у неорационалиста в его подходе доминировал интерес к тому, чтобы создать фундаменталистскую форму системы, чьи притязания на истинность основывались на исходном принципе, который он назвал Принципом Презентации. По Рейнгольду, этот принцип было невозможно продемонстрировать, но, тем не менее, известно, что он верен.

Взгляды Рейнгольда критиковали два его современника, оба скептика, Маймон и Шульце. Из них двоих, Маймон как философ был сильнее. Хотя утверждения о создании единственно верной интерпретации критической философии было по ходу дела высказано многими авторами, примечательно, что Кант считал, что прочтение Маймоном его взглядов было непревзойденным с точки зрения восприятия главных проблем. Критика Маймоном Рейнгольда важна по трем причинам. Во-первых, он отрицал, что критическая философия требовала переформулирования, или что она может быть еще каким-то образом улучшена. Во-вторых, он отрицал попытки Рейнгольда доказать неоспоримость первого принципа мышления на том основании, что факт сознания не является достаточным фундаментом, на котором можно выстроить систему. Наконец, он предположил на хороших кантовских основаниях, что принципы могут быть узаконены, хотя и не продемонстрированы в применении, т.е. с точки зрения их полезности.

Критика Шульца, также мотивированная скептицизмом, была в сущности более узкой и менее интересной с философской точки зрения; она в основном была направлена на Принцип Презентации Рейнгольда. Значение Шульце для данного обсуждения заключается в том, что его критика оказала влияние на Фихте, также как критика Маймона – на Рейнгольда. В мышлении Фихте эти различные течения в посткантианских усилиях по переформулированию критической философии в полной систематической форме объединились весьма оригинальным образом. Хотя Фихте крупный философ, он одновременно отверженный мыслитель. Но его влияние на других, более известных мыслителей, в особенности на Шеллинга, Гегеля и Маркса, имеет также решающее значение[22]. Широко распространенное непонимание важности его роли в формировании гегелевской позиции, безусловно, является одной из причин, почему взгляды Гегеля на кругообразность знания во многом остались незамеченными[23]. В современном контексте Фихте помнят,

поскольку он дал образец великолепной критики фундаментализма и исходный намек, позднее развитый Гегелем, о том, как аргументировать знание при отсутствии оснований.

В обоих отношениях Фихте многим обязан Маймону. Его собственная критика фундаментализма заключается в аргументе, уже упомянутом нами, что для того, чтобы принцип стал первым в цепочке рассуждений, он не может в силу именно этого факта быть установленным в качестве истинного. Одним словом, если принцип является первым, то он неограничен, и поэтому вопрос о его истинности остается открытым. Эта критика успешно устраняет возможность основания системы на исходном положении, известном как истинное. Она сохраняет призрак линейной формы эпистемологии, проиллюстрированной в квазирационалистической попытке вывести систему из исходного принципа, истинность которого может быть продемонстрирована. В контексте посткантовской дискуссии он приостанавливает усилия, начатые Рейнгольдом, по перестройке критической философии, смоделированной с помощью рационалистического подхода.

Другой вклад Фихте, который мы уже также упоминали, столь же поразителен и он заключается в реинтерпретации кругообразного подхода к эпистемологии. Со времен аристотелевской критики рассуждения по кругу, за редким исключением, большинство мыслителей, которые интересовались проблемой знания, стремились избежать видимости кругообразности[24]. В трудах Канта и более поздних философов, названных только что, утверждение о кругообразности часто поднимается в контексте решающего суждения. Вклад Фихте заключается в понимании, что вся эпистемология является неизбежно и обязательно кругообразной. В результате была предложена другая, нерационалистическая форма системы, базирующаяся не на линейности, а на кругообразности. Суммируя сказанное, подчеркнем, что в отношении продолжающихся усилий по реконструированию критической философии в адекватной систематической форме для того, чтобы добиться большего на основе кантовской концепции строгой теории, два вклада Фихте соответственно отрицали возможность рационалистического подхода, однако создали жизнеспособную нерационалистическую альтернативу.

Рассматривая взгляды Гегеля на фоне современной ему дискуссии, мы можем выделить в его позиции два решающих подхода: один из них изложен в "Различиях...", его исходной философской публикации, другой – в "Энциклопедии", его зрелом, дважды пересмотренном обосновании его философской системы. Хотя в мышлении Гегеля имели место изменения и развитие с течением времени, зрелая версия его позиции, особенно в том, что касается эпистемологии, открывает поразительно высокую степень преемственности, часто непонятную, при сопоставлении ее с исходной формой.

Если философия должна принять вид научной системы, тогда подразумевается, что невозможно существование более чем одной истинной системы. В "Различиях...", как это указывает полное название работы, было задумано реализовать разницу между системой философии, предположительно обнаруживаемой в мыслях Фихте, и системой его тогдаш-

него последователя Шеллинга. Здесь, а также в письмах, написанных до публикации этого текста, Гегель ясно дает понять, что он рассматривает в качестве основной философской задачи завершение философской революции, начатой Кантом, имевшей единственное правильное продолжение в идеях Фихте. Это положение важно, поскольку имеется явная тенденция во вторичной литературе, особенное в свете более поздней гегелевской зачастую совокупной критики Канта, рассматривать его собственную позицию как антитезис критической философии. Но это ошибка, поскольку использовав различие, сделанное самим Кантом между духом и буквой позиции, хотя он действительно был крайне критичен в отношении буквы кантовского мышления, Гегель никогда не отходил от своей оценки того, что он интерпретировал как подлинный критический импульс. Его критика заключается не в том, что критическая философия была критичной, вопреки его убеждению, что она завершилась скептицизмом. Скорее, он возражал против того факта, что она была недостаточно критичной. И его собственные мысли могут быть вполне законно сочтены попыткой развития интереса Канта к критике до самокритики.

"Различия..." состоят из трех частей, включающих: утверждение основных идей относительно его собственных взглядов на философию; исследование отношений позиций Канта, Фихте и Шеллинга, которых Гегель и здесь, и позднее называл единственными из современных философов, достойных этого имени; и критическую оценку мыслей Рейнгольда, расцененные Гегелем как ведущая форма не-философии. Этот в некотором отношении отверженный текст вознаграждает своего читателя. Для наших целей будет достаточно обратить внимание на гегелевскую оценку фундаментального принципа философии и его критику попытки Рейнгольда сформулировать такой принцип. Здесь Гегель отвечает на идею переформулирования критического проекта в полной систематизированной форме. Его ответ, который явно испытал влияние Фихте, составляет аргумент относительно знания как результата кругообразного процесса; единственно возможная другая стратегия, а именно, линейная попытка, основывающаяся на знании исходного принципа, должна обязательно оказаться несостоятельной.

Аргумент Гегеля, направленный против фундаменталистской формы системы, обнаруживается в попытке возвращения к рационалистическому подходу и очевидно основывается на идеях Фихте. Он утверждает, что философская теория не может обладать основополагающим предположением, или, говоря его словами, принципом философии в форме абсолютной аксиомы (Grundsatz). Его аргумент, который здесь идет вслед за вооружением самого Фихте, даже в плане выбора терминологии сводится к тому, что фундаментальный принцип не может быть установлен в качестве истинного, поскольку любая попытка сделать это выродится в бесконечный регресс.

Гегель позднее применяет это рассуждение к попыткам Рейнгольда установить первый принцип в окончательном виде в своей теории под влиянием Бардили. В ходе поисковой критики Гегель дополняет свое предшествующее отрицание идеи фундаментального принципа позитивным взглядом на кругообразность. Знание, утверждает он, не требует

основания, поскольку начало теории связано с построенной целостностью как центром окружности, поскольку только тогда, когда круг завершен полностью, создается центральная точка. Теория, которая развивается из некоего начала есть узаконивание исходного принципа, а не наоборот.

Результат этого типа рассуждений ясен, это действительно блестящая инверсия линейной формы аргументации, заменяемой кругообразной альтернативой. Поскольку в то время, как в первой эпистемологической стратегии начало, как считается, узаконивает утверждение знания, с точки зрения Гегеля, конец узаконивает начало. Знание и его узаконивание – общее следствие, вытекающее из разработки теории и ее конфронтации с опытом, а не установление утверждения о знании на основе узаконивания, возникающего из априорной конфронтации с опытом. Как Гегель далее указывает с очевидным намеком на Канта, вся теория столь же мало нуждается в основании, как Земля в дополнительной поддержке сил, заставляющей ее вращаться вокруг Солнца.

Хотя к этому аргументу редко обращались, его значение не должно быть недооценено. В каком-то смысле, Гегель совершил революцию в эпистемологии. Через кругообразное отношение между исходной частью теории, ее полной разработкой и опытом, он сделал возможным уход от скептицизма как следствия фундаментализма. Начало теории, которое дает толчок ее развитию как реальное условие знания опыта, не является изначально узаконенным, а получает его по мере развития в результате приращения знания через применение теории к опыту. Что мы имеем, таким образом, так это форму кругообразности, которая не является эпистемологической ошибкой, а единственно приемлемым подходом к знанию[25]. Отвергнуть этот пункт, настаивать на необходимости найти философский фундамент, указывает Гегель, значит считать, что "разбег становится истинной работой; сам принцип делает невозможным приход к знанию и философии"[26].

Я проиллюстрирую этот пункт знакомым примером. Размышляя об Евклидовой геометрии, мы видим, что существует очевидное отношение зависимости теорем, вытекающих из предшествующих теорем, аксиом и постулатов, лежащих в основе этой науки. Теперь в геометрии истинность аксиом и постулатов неизвестна и не может быть установлена. Предположение Гегеля, которое показывает пределы аналогии, заключается в том, что теория, которая может быть разработана на основе исходных предположений, в свою очередь устанавливает их истинность. Ситуация такова, как если бы геометрические теоремы были доказательствами исходных аксиом и постулатов, из которых они вытекают. Очевидно, правдоподобность гегелевского аргумента не может лежать в утверждении, что кругообразная процедура фактически устанавливает истинность исходных аксиом и постулатов, из которых они вытекают. Хотя интерес к тому, чтобы сделать именно это, упоминается многими авторами, включая Гуссерля, Поппера и Гадамера, в дискуссиях последнего времени, я считаю, нет доказательства истинности предположения в рамках теории, которые из нее же и вытекают; скорее польза данного анализа, вытекающего из предположения или группы предполо-

жений, заключается в том, что предположения или группы предположений могут быть "продемонстрированы"

Кругообразный подход к эпистемологии, который Гегель лишь наметил в "Различиях...", был разработан позднее в "Энциклопедии философских наук", его вполне зрелом раскрытии системы философии. Предполагалось, что в поисках его зрелой мысли мы должны обращаться к "Науке логики", но я считаю, что мы должны поймать Гегеля на слове и искать ее скорее в "Энциклопедии" Поскольку "Логика" – это главным образом развитие первой части этой работы, то если мы примем ее в качестве источника его позиции, это неизбежно приведет к тому, что мы примем часть за целое.

Доктрина кругообразности, как она вырисовывается на протяжении всего текста "Энциклопедии", никогда не была "тематизирована". Но она появляется во многих, часто удивительных контекстах в этой книге в более чем 20 из 577 параграфов. Она присутствует для начала в заглавии. Нельзя назвать не относящимся к делу то, что слово "Энциклопедия", точнее его французский или английский эквиваленты, означает не только "целостность знания", но также и "круг образования для детей", от греческого термина "киклос"

Доктрина кругообразности далее присутствует в первом параграфе "Введения" и в важной с точки зрения стратегии части книги, где Гегель излагает основные черты позиции, которую в целом раскроет в оставшейся части "Введения" и далее рассмотрит детально в своем труде. Теперь я хотел бы прокомментировать этот параграф для того, чтобы разъяснить центральную роль кругообразности в зрелой гегелевской мысли.

Этот короткий параграф из трех концептуальных частей, или моментов, включающих: сравнение философии с другими науками; сравнение философии и религии, описание философии как таковой. Как мы увидим далее, этот параграф содержит по крайней мере две причины для введения концепции эпистемологической целесообразности: первая относится к гегелевскому определению философии, развивающей идею Платона о том, что философия есть наука наук, и вторая связана с проблемой начала науки.

Для того чтобы понять гегелевскую концепцию кругообразности, изложенную здесь, по сравнению с его более ранними работами, будет удобно подойти к этим проблемам в обратном порядке. Рассматривая проблему начала науки, Гегель замечает, что любое начало, коль скоро оно является непосредственным, представляет собой предположение. Его идея, которая вновь утверждает урок, уже рассматриваемый в "Различиях...", носит двоякий характер: философия не может быть линейной по форме, поскольку не может узаконить саму себя через свое начало; и начало обязательно функционирует как предположение, достоверность которого может быть продемонстрирована по мере прогресса в создании и применении теории к опыту. Философия кругообразна, поскольку узаконивание ее претензии на знание основывается на двойной связи теории с ее предположением и с опытом.

Утверждение, что философия должна узакониваться в ходе своей

разработки прямо ведет назад к определению, которое Гегель ввел в исходное положение, первый параграф позднего рассмотрения его системы философии, которое соответственно создает пространство для всей последующей дискуссии. Он говорит, что философия отличается от других наук тем, что у нее нет преимущества иметь возможность выдвигать предположения в отношении либо ее объектов, либо ее метода как непосредственных данных. Он пишет: "У философии нет преимущества, которыми пользуются другие науки, и могут предполагать (voraussetzen zu können) свои объекты, непосредственно данные (von der Vorstellung) равно как и метод познания для своего начала и продолжения"[27]

Это утверждение заслуживает внимания. Помещая философию как одну из наук среди прочих, от которых она, тем не менее, существенно отличается, Гегель ссылается на всю философскую традицию. По крайней мере со времен Платона и в самое последнее время вплоть до Гуссерля многие выдающиеся мыслители утверждали, что философия в полном смысле слова должна действительно быть наукой – действительно, наукой наук, которая узаконивает не только свои собственные, но и все другие утверждения знания. Таким путем Гегель подключает древнюю платоновскую концепцию философии, доминирующую во всей последующей традиции. Разница заключается в том, что в отличие от Платона он не только понимает, что философия обязательно лишена предварительных предположений (идея Платона, с которой Гегель согласен), но и что утверждение о знании должно создать на ее основе кругообразную теорию[28].

Таким образом преемственность, равно как и дальнейшая разработка доктрины кругообразности, содержится как в ранних, так и в поздних размышлениях Гегеля. Нет сомнений, что в "Энциклопедии" Гегель раскрывает раннюю версию доктрины кругообразности. В позднем утверждении своей позиции он развивает оригинальную доктрину кругообразности, по крайней мере, по трем направлениям. Во-первых, он делает кругообразность, бывшую лишь отражением эксцентрического интереса в его ранних размышлениях, центральной идеей, что находит выражение в самом определении философии. Философия лишена предположений, обязательно кругообразна и является, говоря словами Гегеля, "кругом кругов" Во-вторых, он расширяет дискуссию, включая древнюю традицию, в особенности, взгляды Платона на философию как науку без предположений. В-третьих, Гегель понимает в отличие от Платона, что если философия должна не иметь предположений, то в этом случае она будет кругообразной.

Подводя итоги дискуссии, скажу: мой анализ взглядов Гегеля зависит от различия между двумя подходами к знанию: линейной, фундаменталистской стратегии, в которой утверждение знания основывается на том факте, что вся теория следует из исходного принципа, известного как истинный, и кругообразный, антифундаменталистской стратегии, в которой утверждение знания основывается на прогрессирующей разработке и применении теории, которая в свою очередь "узаконивает" ее начальную точку.

Я считаю, что собственные гегелевские кругообразные взгляды на

эпистемологию проистекают из его прочтения попыток переформулировать критическую философию в полностью систематизированной форме. В частности, я думаю, что Гегель принимает и фихтовское отрицание линейности и его реабилитацию кругообразности рассуждений. С этой точки зрения специфический вклад Гегеля выходит за пределы ранних взглядов Фихте, которые в силу их кругообразности рассматривают любое утверждение знания как гипотетическое. Гегель утверждает, что кругообразность ведет к знанию в полном смысле. Он предлагает таким путем оказать услугу традиционному пониманию философии как не предположительной науки наук, которая в силу своей кругообразности способна узаконить утверждение знания.

Я подчеркнул исторический контекст гегелевской кругообразной эпистемологии, поскольку я убежден, что если гегелевские взгляды не рассматривались на историческом фоне, то их нельзя ни понять, ни оценить.

Теперь я сделаю некоторые заключительные комментарии в отношении оценки доктрины Гегеля о кругообразной эпистемологии и ее отражении в данном обсуждении.

Подчеркнув полезность истории философии, мы можем указать на зависимость гегелевского систематического подхода к эпистемологии от определенного прочтения традиции. Это положение следует подчеркнуть особо. С того момента как Кант ввел различие между апостериорными и априорными формами знания, стало обычным утверждать, что это единственный систематический подход к философии за счет исторических взглядов. Но даже кантовское различие имеет свой исторический контекст, что подрывает его стремление к разделению, в его терминологии "cognitio ex datis", "cognitio ex principiis" для того, чтобы рассматривать только последнее[29] Это отношение становится еще более очевидным в гегелевском мышлении. Из этого следует, что стремление изолировать философию от истории философии ошибочно, поскольку, до определенной степени, философия и история – это два аспекта одного процесса.

Следует далее указать, что существует внутреннее отношение, проявляющееся в свете гегелевских размышлений, между идеализмом и некоей формой прагматизма. Идеалисты в целом и Гегель в особенности неоднократно подвергались критике за утверждение абсолютного, априорного знания в отрыве от внешнего мира. Но при более тщательном рассмотрении взглядов Гегеля мы можем заметить, что обращение к кругообразной теории знания, к мысли, что утверждение знания обязательно требует взаимодействия между мышлением и объективностью, данной в опыте, весьма ярко описано во "Введении" к "Феноменологии" Если начальная точка должна быть узаконена с помощью целиком разработанной теории, которая в дальнейшем должна быть проверена через опыт, то идеализм в смысле, не вызывающем подозрений, ни коим образом не изолирован от опыта, поскольку в основе своей он прагматичен[30].

Представляющий интерес подход Гегеля к знанию, вытекающий из глубинного кругообразного процесса, представляет собой колоссальный шаг вперед через возвращение к кругообразной форме рассуждений,

дискредитированной на протяжении почти двух тысяч лет после критики Аристотеля. Что касается аргументации в пользу кругообразной теории знания, то позвольте мне подчеркнуть мое убеждение, что не существует обходного пути для критики фундаментализма как в послекантовской дискуссии, так и в последнее время, среди современных авторов. Огромным достоинством Гегеля является способность ясно видеть, несмотря на неадекватность фундаментализма, возможность другого антифундаменталистского, кругообразного подхода к знанию. В этом смысле анализ Гегеля, я думаю, не имеет серьезного соперничества в дискуссиях последнего времени, которые, по большей части, меньше интересуются условиями знания в целом с критической точки зрения, нежели достоверностью утверждения знания данного объекта. Ошибка, с моей точки зрения, заключается в том, что Гегель в конце концов полагает, что таким путем можно обеспечить знание в полном смысле. Очевидно, что такое знание не может родиться из прагматического подхода. Хотя кругообразный подход действительно производит тип знания из опыта, в сущности единственного типа, который мы можем иметь, результат не может быть аподиктическим и, следовательно, опускается ниже классических стандартов.

Далее, я хочу заметить, что хотя аргументация Гегеля очевидно направлена против фундаментализма, возможно, хотя и не наверняка, что он не всегда оставался верен своей собственной теории. В этом смысле он не отличался от многих других мыслителей, чьи взгляды, при тщательном анализе, оказывались не совсем последовательными. Хотя Гегель, безусловно, был более последовательным, чем большинство, есть примеры, когда он оказывается аргументирующим таким образом, что это несовместимо с духом его собственного мышления и, в особенности, с кругообразным подходом к эпистемологии. Один пример можно найти в "Науке логики": он предполагает, что можно начать с бытия, что фактически означает использование концепции основания для его мышления[31].

Мой заключительный тезис касается отношения мышления и бытия. Гегель утверждает, что эта проблема должна разрешаться через демонстрацию единства двух сторон, которая только упоминалась предшествующими мыслителями. Но это единство невозможно показать в доктрине кругообразности. Ибо только через недемонстрируемое утверждение мышление познает бытие, хотя, наоборот, философия не может принять какие-либо предположения, что в данном примере мышление и бытие могут быть рассмотрены как идентичные. Из этого следует, что Гегель не может разрешить проблему знания, как он его понимает.

Следует указать на отношение этого положения к мышлению Канта. Позиция Гегеля в какой-то степени является попыткой реабилитировать утверждение разума против ограничений, вводимых критической философией. По Гегелю, современная философия проистекает из перенесения в философию лютеровского бунта против догматической теологии[32]. С этой точки зрения взгляды Канта недостаточно критичны, ибо он не смог продемонстрировать свои утверждения знания. Но результат Гегеля, хотя это не входило в его намерения, близок к кантовскому в большей степени, чем это обычно замечали, по крайней мере в двух смыслах. С одной

стороны, мы уже отмечали, что по крайней мере внутренне Гегель хотел привести к концу философскую революцию, начатую критической философией таким путем, чтобы остаться верным ее духу. Кругообразный подход к знанию, намеченный Гегелем, служит этому. Его можно рассматривать как результат обобщения концепции взглядов Канта на принцип (das Prinzip), узаконивающий сам себя, не априорно, а на практике[33]. С другой стороны, Гегель демонстрирует известное кантовское положение о внутренних пределах разума. Ибо он непроизвольно показывает, что утверждение разума о знании бытия не может быть продемонстрировано. Хотя современная мысль возникла из усилий разделить разум и веру, это различие в конечном счете несостоятельно, так как философия и действительно все формы поиска знания требуют веры, т.е. веры в разум.

III

Часто неправильно утверждалось, что интерес к фундаментализму ограничивается современной аналитической философией. Основная идея данного доклада направлена на исправление неверного понимания через широко распространенную идентификацию некоторых главных проявлений интереса к мышлению того периода с фундаментализмом и антифундаментализмом в рамках немецкого идеализма, а также через уделение особого внимания позиции Гегеля. Этот доклад окажется полезным, если сумеет вызвать внимание к трем положениям, касающимся мысли того периода: во-первых, интерес к фундаментализму и антифундаментализму широко распространен в немецком идеализме; во-вторых, антифундаментализм вызвал широкую критику в тот период, прежде всего в трудах Гегеля; в-третьих, малоизвестная, но глубоко антифундаменталистская теория знания Гегеля заслуживает дальнейшего внимания. Я хочу завершить доклад замечанием о полезности идеалистического подхода к знанию. Идеализм часто считают наивным, тем не менее гегелевская доктрина кругообразности ценна и сама по себе и в качестве глубокой формы антифундаменталистского подхода к знанию.

[1] Оба эти подхода берут начало в трудах Энгельса, основателя марксизма. См.: *Engels F.* Ludwig Feuerbach and the Outcome of Classical German Philosophy / Ed. C.P. Dutt. N.Y., 1941.

[2] Об этом см.: *Habermas J.* Knowledge and Human Interests. Boston, 1971.

[3] См., например: *Cassirer E.* Das Erkennt isproblem in der Philosophie der neueren Zeit. B., 1906, 1907, 1920.

[4] См.: *Kant I.* Immanuel Kant's Critique of Pure Reason. L., 1961. B. 856. P. 656.

[5] Ibid. B. 860. P. 653.

[6] Ibid. B. 866. P. 657.

[7] Ibid. B. 863. P. 655.

[8] Ibid. B. 861. P. 653–654.

[9] Ibid.§ 16. B. 131–136. P. 152–155.

[10] Ibid. B. XXIII. P. 20.

[11] Ibid. B. XXXVIII. P. 34.

[12] См.: *Fichte J.G.* Fichte: Science of Knowledge (Wissenschaftslehre) with the First and Second Introductions / Ed. P. Heath, J. Lachs. N.Y., 1970. P. 93.

[13] См.: *Fichte J.G.* Concerning the Concept of the Wissenschaftslehre // Fichte: Early Philosophical Writings / Ed. D. Breazeale. Ithaca, 1988.

[14] См.: *Fichte J.G.* Fichte: Science of Knowledge (Wissenschaftslehre) with the First and Second Introductions. P. 38–62.

[15] System of Transcendental Idealism. Charlottesville, 1978. P. 4.

[16] См.: *Hegel G.W.F.* Hegel's Phenomenology of Spirit. B., 1976. P. 9.

[17] См. дискуссию: The Method of Political Economy // Grundrisse Foundations of the Critique of Political Economy / Ed. M. Nicolaus. Middlesex, 1973. P. 100–108.

[18] *Kant I.* Prolegomena to Any Future Metaphysics. Indianapolis, 1950. P. 70.

[19] Эта часть дискуссии взята из книги: *Rockmore T* Hegel's Circular Epistemology. Bloomington, 1986; а также из его же доклада: Hegel's Circular Epistemology as Antifoundationalism // History of Philosophy Quarterly. 1988. № 1. В книге и докладе, основанном на ней, я не останавливаюсь на оставшейся необъясненной фундаменталистской стороне гегелевского мышления. Об изначальных попытках разрешить неснятое напряжение в его подходе между фундаментализмом и антифундаментализмом. См.: *Rochmore T.* Foundationalism and Hegelian Logic // The Owl of Minerva. 1989. Fall.

[20] *Rorty R.* Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton, 1979.

[21] Блестящий анализ реакции на первое издание книги Канта см.: *Beiser Er.* The Fate of Reason. German Philosophy From Kant to Fichte. Cambridge, 1987.

[22] Попытка привлечь внимание к данной трактовке взглядов Маркса на субъективность. См.: *Rochmore T.* Fichte, Marx and German Philosophy. Carbondale, 1980.

[23] *Souche-Dagues D.* Le Cercle hégélien. P., 1986.

[24] Об аристотелевской критике кругообразного рассуждения см.: Prior analytics. 57b18; Posterior analytics. Vol. 1. 72b–25–73a 20.

[25] Об этом см.: *Rockmore T* Hegel et la révolution épistémologique // Hegel Jahrbuch (в производстве).

[26] *Hegel G.W.F.* The Difference Between Fichte's and Shelling's System of Philosophy. Albany, 1977. P. 180.

[27] *Hegel G.W.F.* The Logic of Philosophy, translated from the Encyclopedia of the Philosophical Studies. Oxford, 1968. P. 3.

[28] Весьма примечательно, что употребляемый термин содержит немецкий глагол "setzen", означающий "установить", "поставить на место". Это подтверждает, что философия должна быть лишена предварительных предположений. Гегель дает, тем самым, полный эквивалент платоновского слова "гипотемический" от глагола "tithemi", обладающего тем же смыслом, что и глагол "setzen". Трактовка Уоллесом точного термина Гегеля, выраженного в слове "voraussetzen" как "предполагать" "существование чего-то еще" или "допускать", уводит в сторону от проблемы.

[29] См.: Critique of Pure Reason. B. 864. P. 655.

[30] Одним из немногих авторов, сумевших разобраться в этом вопросе, был Н. Решер. См.: *Rescher N.* Cognitive Systematization: A Systems-theoretic Approach to a Coherentist Theory of Knowledge. Oxford, 1979.

[31] См.: *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики ("С чего должна начаться наука?").

[32] Важная трактовка этого аргумента была дана немецким поэтом, одним из учеников Гегеля, Генрихом Гейне: *Heine H.* Religion and Philosophy in Germany. Albany, 1986.

[33] См.: Critique of Pure Reason. B. 765. P. 592.